

Сов. культура. - 1991. - 6 апр. - С. 14

«ЗВЕЗДЫ»

МИРОВОГО КИНО

Филипп Нуаре — «звезда» первой величины французского кино. Его роли в фильмах таких знаменитых режиссеров, как Бертран, Тавернье, Марко Феррери, Франческо Роззи, принесли ему мировую известность. Советский зритель мог видеть блестящую игру Филиппа Нуаре в картинах «Похищение в Париже», «Старое ружье», «Откройте, полиция!». Всегда подтянутый, элегантный, он продолжает оставаться идеалом мужчины. Сейчас он живет спокойной, уединенной жизнью на своей ферме, вдалеке от городского шума. Мы предлагаем читателям интервью, взятое у Филиппа Нуаре корреспондентом французского журнала «Пари-матч».

«СЧАСТЬЕ — ЭТО ФЕРМА И ЛОШАДЬ НА ЗЕЛЕНОМ ЛУГУ»

Свой шестидесятилетний юбилей он отметил с присущей ему скромностью. Хотя он и смирился с тем, что его считают национальным достоянием, но по-прежнему не желает устраивать роскошные приемы в свою честь. Он — своего рода «антизвезда», он никогда не говорит о себе в третьем лице, уважает зрителей, не капризничает, ведет размеренную семейную жизнь, не претендует на мировую известность, дорожит старыми друзьями и уступает молодым дарованиям дорогу на Парнас, не требуя двух третей экранного времени на свою персону. Человек с сигарой, заказывающий свои костюмы в Лондоне, с прокинованным и несколько снисходительным взглядом — таким его знают многие. Однако эти своего рода «рыцарские доспехи» — всего лишь удобный панцирь, за который Нуаре без труда прячет свою истинную загадочную натуру. Лакированная поверхность этого кокона дает трещину, как только кому-нибудь удастся проникнуть в его жилище и — во внутренний мир актера.

Как правило, это удачливые журналисты или поклонники. Совершая такой прорыв, они ожидают увидеть роскошный дворняжеский особняк с белоснежным лепным фасадом и бесконечные садовые аллеи, усыпанные гравием, а на самом деле оказываются на большой ферме на обочине затерянной дороги, на которой, как ни странно, гораздо приятнее жить, чем в особняке: побеленные стены, африканская деревянная мебель, широкие диваны, столы, заваленные книгами, засушенные цветы и фрукты.

Есть здесь и конюшня, но зато нет бассейна. «Я не хочу превращать свой дом в Лазурный Берег или что-нибудь вроде этого», — говорит Филипп Нуаре. Он ведет жизнь Ноя в окружении различных животных: лошадей, собак — Польки, Бискотта и Вика, кошки по имени Урка, птиц и золотых рыбок. Давным-давно он отказался от своего «роллс-ройса» — в пользу голодающих в послевоенном Париже. «Но, месье Нуаре, война уже кончилась», — сказал ему тогда один служащий бензозаправочной станции.

Подобно своему персонажу из картины «Уран», Филипп Нуаре любит гармонию. И здесь, в уединении, неподалеку от Каркассона, он может часами наслаждаться простирающейся далеко за горизонт зеленой долиной, упирающейся в Пиренеи. «Мне нравится думать о том, что вся эта красота была создана для человека», — говорит он.

— Вам совсем недавно исполнилось шестьдесят...

— Тут, собственно, нечему радоваться. Очередная дата, очередной год. У возраста есть только одно преимущество: он освобождает от груза бесполезных вещей, потому что начинаешь понимать, что по-настоящему важно в жизни. Тяжелее всего смотреть, как навсегда уходят окружающие тебя люди... Уго Тогнацци, Дельфин

Сейриг... Но тут уж ничего не поделаешь. Иногда не хочется даже продолжать свои записные книжки: хочется остаться верным тем, кто умер раньше тебя...

— Чем вы занимаетесь, когда живете здесь, на этой ферме?

— С одной стороны, распорядок дня довольно однообразен. Утром в 8 часов я уже сижу верхом на лошади. Часто мы ездим с М. Амардейлом, который ухаживает за моими лошадьми, когда я в отъезде. Это удивительный человек. Он отставной военный, и, когда несколько лет назад у него случился инфаркт, он вылез из больницы тем, что ездил верхом. Ему 81 год, и он прекрасно выглядит для своих лет. Он учит мою пятилетнюю внучку Дебору, как обращаться с лошадьми. И так, я довольно долго езжу на лошади, затем иногда составляю компанию моей жене Монике, и мы вместе идем на рынок. В полдень мы обедаем, а ужинаем в половине восьмого. После обеда я читаю сценарии, книги моих друзей, биографию Гарбо или мемуары о первой мировой войне. Кроме того, я немного рисую пастелью. Моя жена подтрунивает над этим — но в конце концов кто здесь хозяин? Вечерами мы смотрим фильмы: и новые картины, которые еще не успели посмотреть, и старые шедевры, жемчужины Голливуда, с Гари Купером,

моим кумиром, и другими знаменитыми актерами. Я люблю довоенное французское кино — Жюль Верри, Каретт, Алерм, Фабр — и Попеско. По ночам, если не спится, перечитываю Сен-Симона, Бальзака, Клод Симон, но это обычно происходит в Париже. Здесь я сплю хорошо.

— Вы гурман?

— Я люблю посидеть за столом, но стараюсь есть как можно меньше и что попроще. Очень щепетилен в вопросе качества продуктов. И я больше не пью алкогольных напитков. Не люблю рассказывать об этом, но несколько лет назад мне было дано серьезное предупреждение свыше. Если бы я не изменил своего образа жизни... И я предпочел отсрочить срок расплаты. Отказаться от горячительных напитков не просто — наша жизнь полна условностей.

— Слава богу, медики еще не запретили вам носить галстуки и бабочки! Откуда у вас такой утонченный вкус?

— Прежде всего я не хочу чтобы все думали, будто я одержим страстью ко всему элегантному. Мне нравятся красивые вещи, но важно, чтобы они были удобными. Как вы думаете, почему столь популярен спортивный стиль? Потому что людям неудобно постоянно ходить в тесных, плохо сшитых костюмах. А вот в хорошей «тройке», в идеально

сидящей рубашке, в отличной обуви можно делать все, что угодно, даже заниматься спортом. Мой отец работал в сети магазинов готового платья, и именно он приучил меня к хорошим тканям и элегантным, удобным костюмам.

— Воспитанный в духе строгого стиля одежды, вы, видимо, по натуре консерватор?

— Честно говоря, мне не очень-то по душе цветастые пиджачки некоторых телеведущих. В то же время современная мода предлагает много действительно хороших вещей и новинок. Взять хотя бы цвет. Когда отцу было 90, он начал использовать в своей работе ярко-желтый цвет. Это было великолепно! Вообще мне нравится думать, что какая-то вещь — галстук или ботинки — была сделана руками человека, а не машиной. Необходимо сохранить секреты ремесленников.

— Вы актер-ремесленник?

— Так или иначе, но я могу выбирать себе роли. Однако я не соглашаюсь на роль пожилого фермера — забавно, но мне ее предлагают чуть ли не каждую неделю. Фермер — это слишком похоже на меня самого. Мне нравится играть решительных мужчин: это экзотично. Кроме того, есть роли, которые я просто не могу позволить себе сыграть. 20 лет назад отказался сниматься в роли негодяя в фильме «Пусть умрет бестия» Шаброля. Было слишком противно. Сегодня я, возможно, мог бы дать согласие — ушли какие-то сдерживающие факторы.

— В «Уране», фильме Клода Берри, вы отказались сниматься в сцене, связанной с проявлениями фанатизма. Почему?

— В 1944 году я был в Тулузе, и наша семья жила напротив гостиницы, занятой немцами. Я видел, как линчевали одного немецкого солдата, и это юношеское воспоминание живо во мне до сих пор. Это было страшно.

— Вы хотели бы родиться аристократом?

— Конечно. И вовсе не потому, что мне нравилось бы осознавать свою принадлежность к высшему сословию, а потому, что у аристократов есть уникальный шанс знать и узнать все о своих предках. Я же знаю только, что мой прапрадед работал в Сен-Валери-ан-Ко, и в субботу он десять часов шел до Амьена, чтобы увидеть своего новорожденного внука. Все, что было до этого, покрыто туманом.

— В детстве вы мечтали стать «звездой»?

— Нет, в детстве я не совсем хорошо себе представлял, чего можно ожидать от жизни. В Касабланке, где работал мой отец в середине 30-х годов, было так здорово! Был черный папин «шевроле», запах эвкалипта, сладость жасмина. Когда мне было десять, счастье представлялось мне фермой и лошадью на зеленом лугу...

Мои детские мечты исполнились.

Публикацию подготовил А. ВЕТРОВ.

